

Глава 36.

Он вернулся в привычную для себя среду.

Цзянь Хуа сидел в углу, наблюдая за суетливыми членами съемочной группы, которые непрерывно сновали туда-сюда.

Независимо от того, насколько звездным был актерский состав, сам процесс съемок всегда представлял собой довольно хаотичное зрелище. Повсюду были разбросаны провода, и для обычного человека уже считалось удачей найти хоть какой-нибудь ящик, чтобы присесть.

Помощник режиссера сегодня не надевал костюм. В руке сжимал электронный мегафон, на шее болтался мобильный телефон, он был одет в жилет с бесчисленными карманами, а в ухе у него красовалась беспроводная гарнитура.

— Группа реквизита! Чем вы там занимаетесь, немедленно передвиньте эту колонну влево!

Взглянув на сцену через камеру, помощник режиссера остался удовлетворен и приказал сообщить режиссеру, что сцена готова к съемкам.

Цзянь Хуа опустил взгляд, отыскивая в сценарии абзац, соответствующий текущей сцене, затем поднялся. Как он и ожидал, из наушников донесся голос, сообщающий, что режиссер еще не закончил снимать сцены с главным актером, и сейчас настала очередь второстепенных ролей.

Каскадеры участвовали не только в опасных сценах — некоторые также выступали в роли второстепенных персонажей или массовки. В данном случае, при отсутствии главных звезд на площадке, съемки могли продолжаться с одними только дублерами. Даже если камера не фокусировалась на лицах персонажей, крупные планы актеров можно было добавить позже во время монтажа.

Как раз в этот момент Ли Фэй снимал сцену перед камерой с хромакеем на заднем плане в другой части здания, в то время как на этой стороне разыгрывалось противостояние между двумя второстепенными актерами. Цзянь Хуа предстояло взобраться на четыре ящика, изображавшие лестницу, и неподвижно застыть среди толпы статистов.

Быть живой декорацией оказалось не так-то просто.

— Ты...

— Здравствуйте, помощник режиссера. Я дублер Ли Фэя, Джо. — Приветствие Цзянь Хуа всем присутствующим всегда было предельно лаконичным — никогда не теплое, но и не грубое. Даже в ситуации, где он находился в подчиненном положении по отношению к собеседнику, он не считал нужным проявлять больше почтительности, чем того требовали обстоятельства.

В съемочной группе было несколько помощников режиссера, отвечавших за различные аспекты работы. Этот помощник режиссера занимался координацией на площадке, и все постоянно обращались к нему, как к заведующему хозяйством. Что касается помощника режиссера, ответственного непосредственно за съемочный процесс, его статус был значительно выше.

Помощник режиссера Лю внимательно осмотрел Цзянь Хуа в течение нескольких секунд, затем нахмурился и спросил с заметным акцентом:

— Где ты такого нашел? Неужели у Star Entertainment не хватает возможностей, и они нанимают новичка в качестве дублера кино-императора?

— Нет, он работает в этой сфере уже несколько лет, и его лицо мне кажется знакомым, — поспешил объяснить один из членов съемочной группы.

Как каскадер, Цзянь Хуа мог считаться вполне успешным. Однако его успех заслуживал лишь такого уровня признания.

В основном он участвовал в телевизионных драмах. Для режиссеров полнометражного кино это не имело особого значения — большинство современных коммерческих фильмов активно использовали спецэффекты, поэтому требования к дублерам и каскадерам были не слишком высоки.

Он не был настолько значимой фигурой, чтобы за него держались, а будучи по натуре необщительным, кто вообще запомнил бы имя Цзянь Хуа?

Таковы были суровые реалии этой индустрии: мелких рыбешек было легко выбросить за борт. Годы упорного труда не оставляли заметного следа, и тех, кто застрял на самом дне, быстро забывали, даже не успев как следует узнать.

Цзянь Хуа выпал из обоймы на полгода. Когда он вернулся, то неожиданно стал личным дублером кино-императора. Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы в кругах каскадеров, но для членов съемочной группы осталась практически незамеченной.

— Несколько лет в качестве каскадера? — Помощник режиссера Лю еще раз окинул Цзянь Хуа оценивающим взглядом, отметил про себя, что тот не обладает выдающейся внешностью, и, потеряв к нему всякий интерес, нетерпеливо махнул рукой. — Ладно, действуй согласно сценарию.

Затем он повернулся к двум второстепенным актерам, чтобы обсудить с ними предстоящую сцену.

Это была довольно напряженная сцена противостояния. Ее специально поставили в начало съемочного графика, чтобы помочь актерам глубже проникнуться своими персонажами.

Расписание Ли Фэя, естественно, было расписано по минутам. Этот фильм позиционировался как коммерческий проект, рассчитанный на кассовые сборы, а не на кинонаграды. Однако помимо кино-императора в главной роли, снимались еще три актера, включая популярного музыканта.

Хорошая актерская игра далеко не всегда означала, что актер воплотил именно то, что хотел видеть режиссер.

Ли Фэя заставляли переснимать сцену пять или шесть раз подряд. Сначала режиссер что-то объяснял, затем хмурился, внимательно разглядывая полученный кадр. Ли Фэй спокойно наблюдал, как тот экспериментировал с освещением, менял угол камеры и даже несколько раз лично перенастраивал оборудование. Лишь на восьмом дубле режиссер наконец остался удовлетворен, и после этого процесс пошел как по маслу.

После завершения сцены ассистент Линь подал Ли Фэю теплое полотенце.

Кино-император не стал спрашивать где Цзянь Хуа, а без колебаний направился к месту, где

шли съемки с участием дублёров.

К этому моменту Цзянь Хуа уже двадцать минут неподвижно стоял на деревянном ящике — да, на его стороне снимались два второстепенных актёра, а он исполнял роль статиста, устало карабкающегося вверх по воображаемой лестнице. В данной ситуации проще было просто продолжать стоять на месте.

— Пфф.

Ассистент Линь поднял голову — ему показалось, что Ли Фэй рассмеялся.

Однако в павильоне царил такой шум, да и выражение лица Ли Фэя оставалось совершенно невозмутимым. Это ввело ассистента в замешательство.

Начался новый дубль. Табло показывало, что это уже двенадцатый дубль, и два второстепенных актёра сразу же вступили в яростную словесную перепалку.

Поскольку камера не снимала лицо Цзянь Хуа крупным планом, он просто стоял на своем месте, время от времени делая вид, что тянется к воображаемым ступеням. Это действие затянулось, и, с точки зрения Ли Фэя, выглядело вполне обыденно. Однако в исполнении Цзянь Хуа оно приобрело некий особый оттенок.

Он старался в точности следовать описанию в сценарии, пусть и в весьма ограниченной форме.

Ли Фэй уловил это едва заметное изменение.

За свою карьеру он повидал множество людей, похожих на Цзянь Хуа. Уникальность последнего заключалась в том, что в фильме "Ворон" он действительно продемонстрировал актерское обаяние, сравнимое с самим Ли Фэем.

Однако последующие события доказали, что у Цзянь Хуа не было какого-то скрытого актерского таланта. За исключением сцен с генералом У, его игра была... просто обычной.

Без явных ошибок, но и без поводов для восхищения.

Сцена переснималась снова и снова, но для Цзянь Хуа это не имело особого значения — в роли статиста он справлялся безупречно.

Два второстепенных актёра уже успели вспотеть от напряжения, когда Цзянь Хуа наконец заметил Ли Фэя неподалеку. В этот момент они были одеты в одинаковые костюмы, их прически полностью совпадали, а из-за особенностей освещения он не мог разглядеть лицо Ли Фэя.

— Переходим к сцене 3 из эпизода 9! — прокричал режиссер, и второстепенные актёры поспешили освободить площадку. Цзянь Хуа тоже больше не нужно было стоять как изваяние.

Вернувшись в свой угол и взяв в руки сценарий, он молча наблюдал за суетящимися вокруг людьми.

Это был первый день съемок, но он не заметил в группе ни одного подозрительного человека. Всё выглядело совершенно нормально — от гримеров до ассистентов актёров. Вряд ли "осведомленный" мог безупречно изображать кого-то из них.

Взгляд Цзянь Хуа снова вернулся к Ли Фэю.

Мужчина, освещенный резким светом ртутных ламп, закатал рукава, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Его руки были засунуты в карманы брюк, а ноги обуты в дорогие кожаные ботинки. Он стоял на деревянном ящике, изображавшем ступени лестницы. Ли Фэй повернулся — но в этот момент это был уже не Ли Фэй.

А человек с легкомысленной улыбкой, непринуждённым поведением и раскрепощённой манерой держаться.

Цзянь Хуа перечитывал этот сценарий десятки раз. Главного героя фильма звали Хэ Нин. В его сознании это был размытый силуэт, который можно было описать несколькими ключевыми словами: из благополучной семьи, внешне напоминает беспечного плейбоя, но на деле прекрасно разбирается в криминальных делах.

Однако когда он увидел Ли Фэя вблизи, эти слова лопнули как мыльные пузыри. Размытый образ главного героя мгновенно обновился, превратившись в конкретного человека перед ним.

Цзянь Хуа разглядел в Ли Фэе то, чего не было прописано в сценарии.

Ту фальшь, высокомерие и недоверие, которые читались в его взгляде, когда он смотрел на окружающих.

Персонаж в сценарии был идеален во всём, кроме дурной репутации. Главный герой всегда демонстрирует особую силу в ключевые моменты, проявляя при этом недюжинную изобретательность. Все попытки предательства он предугадывает заранее. Он обладает высоким эмоциональным интеллектом — вежливо отказав женщине в признании, он тактично даёт понять, что для неё существуют более подходящие варианты. Можно сказать, персонаж получился несколько нереалистичным.

Но что поделаешь? Рыночная конъюнктура доказывает — зрителям нравятся именно такие герои, а коммерческий сценарий должен вбирать в себя все актуальные тренды.

В результате в восприятии Цзянь Хуа образ главного героя получился искусственным, напыщенным, пустым и даже в какой-то мере оскорбительным.

Однако после личного знакомства с Ли Фэем этот воображаемый воздушный замок словно обрёл прочный фундамент. Твёрдое основание с огромным потенциалом для развития, дающее неограниченный простор для интерпретаций.

Герой вовсе не идеален — он просто делает всё настолько виртуозно, что это можно принять либо за природное обаяние, либо за проявление врождённого высокомерия.

Его пронизательность и невероятная предусмотрительность в конечном счёте проистекают из глубинной подозрительности.

И что характерно — никто из других персонажей этого не замечает, потому что герой тщательно культивирует свой безупречный имидж.

Зрители, ищущие лёгкого развлечения, останутся довольны фильмом с попкорном. Те же, кто хочет докопаться до глубинной логики, тоже найдут над чем поразмышлять. Главный герой Хэ Нин получился одновременно харизматичным и реалистичным — будь он лицемерным, подозрительным или высокомерным, у него всегда находится безупречное решение, не причиняющее вреда окружающим.

Цзянь Хуа сделал глубокий вдох.

Это то, что невозможно прочувствовать при просмотре готового фильма.

Бумажный персонаж из сценария буквально ожил.

Хэ Нин кардинально отличался от генерала У. В съёмочной группе «Ворона» Цзянь Хуа вообще не имел доступа к полному сценарию. Именно актёрская интерпретация Ли Фэя позволила ему постепенно постичь суть персонажа. Этот образ врезался в его память и стал по-настоящему незабываемым.

Цзянь Хуа был уверен: если бы он начинал работу со знакомства со сценарием, то тоже проникся бы симпатией, как в случае с генералом У, хотя и не так глубоко.

Что же касается роли Хэ Нина — это вообще не тот типаж, который Цзянь Хуа мог бы по-настоящему оценить.

Если бы он не работал дублёром Ли Фэя, Цзянь Хуа вряд ли стал бы смотреть подобное кино. Но в силу профессиональной этики он заставил себя проявить интерес и добросовестно перечитал сценарий с десятков раз.

В сознании Цзянь Хуа существовал непреодолимый психологический барьер по отношению к главному герою, но этот предвзятый стереотип был мгновенно разрушен.

И теперь Ли Фэй наглядно демонстрировал это перед ним.

Свет в съёмочном павильоне внезапно моргнул.

— Что происходит? — на лицах у всех застыло недоумение.

Режиссёр вынужден был крикнуть "стоп". После проверки оборудования он попросил Ли Фэя повторить сцену сначала.

Это было проявлением спонтанных колебаний силы. Ли Фэй не понимал, что именно разглядел Цзянь Хуа, и в недоумении бросил взгляд в его сторону.

Лицо Цзянь Хуа оставалось абсолютно бесстрастным. Он вновь взял под контроль свои эмоции и устремил пристальный взгляд на человека перед камерой, словно фиксируя каждое его движение, запечатлевая каждую мимическую реакцию в глубине сердца.

Во второй половине дня, когда режиссёр лично наблюдал за сценой противостояния двух второстепенных персонажей, он взглянул на монитор и невольно ахнул.

— Этот каскадёр, которого привёл Ли Фэй... более чем достойный.

Статистам обычно не требуется актёрская игра — достаточно просто двигаться на заднем плане, но сама манера держаться невольно выдавала эмоциональный фон, идеально соответствующий образу главного героя. Не было необходимости специально размыывать изображение — при отсутствии крупных планов совершенно не возникало ощущения неестественности.

Если бы подобное случалось один-два раза, режиссёр списал бы это на случайное совпадение. Но прошла неделя, и даже помощник режиссёра не мог не заметить:

— Потрясающее чувство харизматичности. Неужели Ли Фэй специально готовил себе персонального дублёра? Стилистика исполнения поразительно схожа.

— Нет, говорят, нашли совершенно случайно.

— Ц-ц-ц, вот это везение!

— Похоже, количество дублей с участием главного героя можно существенно сократить, — задумчиво пробормотал режиссёр.

Сокращение производственных расходов и снижение нагрузки на группу — это то, что всегда приветствуется.

<http://bllate.org/book/13215/1177756>